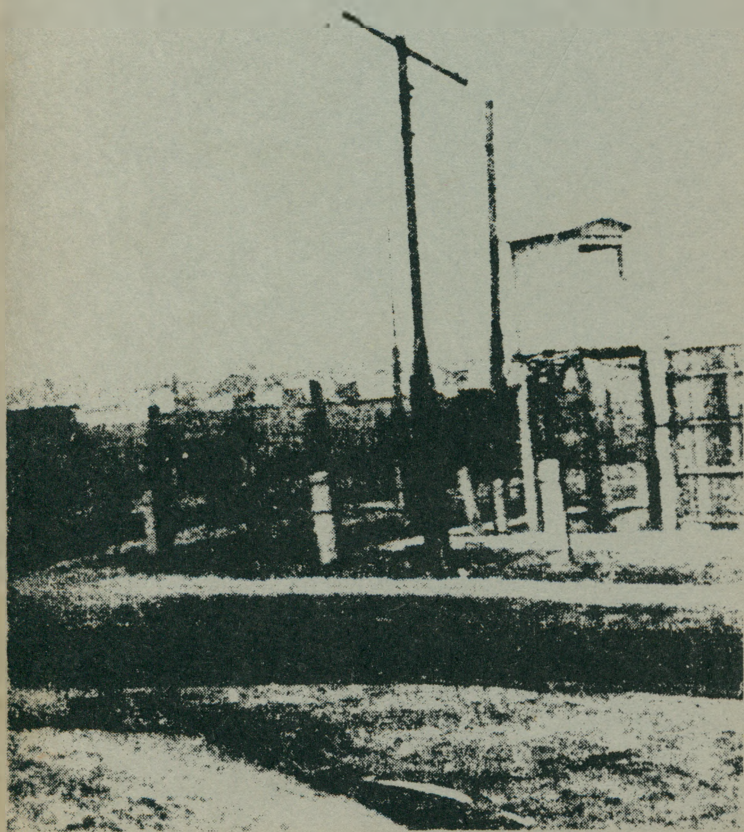

ХРОНИКА БАРАШЕВСКОЙ ЗОНЫ

**ХРОНИКА
БАРАШЕВСКОЙ ЗОНЫ**

**A CHRONICLE OF THE WOMEN'S
POLITICAL PRISON CAMP AT BARASHEVO**

**COPYRIGHT 1986 BY
FOUNDATION FOR SOVIET STUDIES
SILVER SPRING, MD 20902
USA**

ХРОНИКА БАРАШЕВСКОЙ ЗОНЫ *

С августа 1983 г. началась массированная кампания за то, чтобы морально сломить заключенных в Малой зоне. Мы связываем это с тем, что с апреля по август к четверым, бывшим ранее, прибавились: Ратушинская, Беляускене, Владимирова, Барац и Абрутене. Видимо, у тех, кто решает, как с нами обращаться, возникла иллюзия, что это — удобный момент закрутить гайки и, напугав репрессиями, добиться желаемого. Прослеживаются попытки натравить нас друг на друга, чтобы мы стали больше похожи на уголовниц. Видимо, сказывается и андроповщина. Удобный формальный повод для репрессий — наш отказ носить нагрудные знаки. До января 82 г. их вовсе не требовали, потом требовали не очень настойчиво, для проформы, а с августа заявили, что будут приняты все меры, но заставят их носить. Сами по себе нагрудные знаки, как нам известно, вовсе не спасают от репрессий (Лазарева поначалу согласилась было этот знак надеть, что не помешало начальнице отряда Подуст лишить ее ларька, свидания и отправить в ШИЗО* под

* Печатается с небольшими сокращениями.

** ШИЗО — штрафной изолятор.

другими предложениями). Но заставить нас угрозами и насилием отступить от своего принципа и выполнить явно издевательские требования — очень желательно для КГБ, курирующего нас. Подуст нам всем объявила, что решено усилить предпринимаемые против нас меры и, в частности, ни одна из нас не будет иметь ни одного свидания и не будет допущена в ларек до конца срока, если мы не наденем бирки. Мы неоднократно объясняли администрации нашу позицию в отношении бирок, но администрация ссылаясь на приказы свыше. Поэтому мы обратились с заявлением в Президиум Верховного Совета. Ношение нагрудных знаков — не единственное издевательское требование, предъявленное нам с лета 83 г.

Появились требования вставить при входе Подуст, называть ее "гражданка начальница", надевать на улицу летом, с ситцевым платьем, сапоги — единственная официально разрешенная нам обувь (тапочки можно только в доме), никуда не отлучаться из-за машинки все рабочие часы — притом, что норма всегда выполнялась и без того, постоянно носить косынки, которые, кстати, и не были нам выданы ("захотели бы — достали бы") и т. д. С августа пошла серия рапортов дежурных на наше поведение, что юбки "неустановленного образца", что сидели за машинкой в нерабочее время, что были без косынок, что днем лежали на постели (Ратушинская, с температурой 38,8⁰) и т. д. Причем нередко — вранье, явно написанное заочно. Дежурные не всегда сами знали, что написано в рапортах от

их имени. По этим рапортам выносились постановления об административных мерах, где фигурировало отсутствие нагрудных знаков — эти прицепки. Отсутствие бирки при этом изображалось как разовое нарушение (такого-то числа была без), а не отказ от них вообще.

Одновременно с этим нам перестали давать переписывать тексты постановлений, чтобы мы не могли их процитировать и опротестовать. Параллельно шли угрозы: "Вам не положено больше двух пар белья — обыщем и отнимем" (Подуст), "Давно пора устроить вам настоящий строгий режим, а то пьете из эмалированных кружек, кастрюли имеете, электроплитку — пора изъять" (ДПНК* Шишокин), "Вы, Великанова и Осипова, готовьтесь в ШИЗО, потому что отрицательно влияете на других" (Подуст), "Как же вы рожать будете после ШИЗО?" (Горкушов — нач. оперотдела Управления ЖХ-385) и т. п.

Особенное внимание уделили нашему огороду. Он нам по режиму не положен, но всегда у нас был, т. к. администрация не может обеспечить нам положенную норму: 200 г овощей и 400 г картофеля в сутки. Кроме того, этот огород здесь единственный источник витаминов, т. к. зелень нам никогда не дают. Для тех, кто не может есть соленое или костные навары (у Руденко — аллергия на мясо и мясные отвары, а с почками нелады у всех), это и единственный источник пищи

* ДПНК — дежурный помощник начальника колонии.

вообще. Мы не можем добиться разрешения самим себе готовить, а еду нам приносят сваренную и соленую, не учитывая, что по состоянию здоровья большинство нуждается в диете. Нас давно шантажировали этим огородом, а в июле предложили "компромисс" — мы надеваем бирки, а они "смотрят сквозь пальцы" на огород. 13 августа его выволокли под руководством Подуст. Видя, что дежурные и пригнанные уголовницы жалеют выдирать все подряд, она вошла в раж и стала выдирать собственноручно, причем вырвала даже декоративные перцы из вазонов. Выданные овощи унесли, и куда они делись, мы не знаем. В больнице один раз сварили суп из свекольной ботвы — и все. У нас не оставили даже кинзы и других душистых трав, а приносили в это время соленые огурцы и суп из них.

9 августа всем принесли постановление о лишении ларька за отсутствие бирок, а Ратушинской еще и постановление о лишении свидания за то же самое, т. к. родные Ратушинской неосторожно написали в письме, что "будут 8–10 августа". Два одновременных наказания за одно и то же — явно незаконная мера, и зона забастовала (кроме Владимировой). Через три дня право Ратушинской на свидание было восстановлено.

11 августа Подуст заявила самой старшей заключенной Беляускене (1929 г. р.) при ее родных, приехавших на свидание, что если она не наденет бирку, то окажется в ШИЗО, а это окончательно подорвет ее здоровье (действительно, у Беляускене — зарубцованные туберкулезные очаги,

вырезан желчный пузырь, больны почки и печень). Беляускене ответила, что готова умереть, но не пойдет против своей совести, на что Подуст ответила: "Все равно заставят!"

17 августа Лазареву и Осипову увезли в ШИЗО за отказ от бирок и за то, что в такое-то время не были на рабочем месте — Осипову на 10, а Лазареву на 13 суток. Осипова действительно в это время мыла посуду на кухне после завтрака, что в постановлении было записано, как "была обнаружена в спальне, где занималась личными делами" (рабочий цех, кухня и спальня — в одном домике). Оставшиеся: Великанова, Барац, Абрутенне, Ратушинская, Беляускене и Руденко — объявили забастовку (как и всегда, когда кто-то в ШИЗО), а т. к. Лазареву повезли в ШИЗО больную (воспаление придатков и заболевание кишечника: диагноз не сказали, но лечили как от дизентерии), то и голодовку — все, кроме Беляускене, которой мы это запретили по состоянию здоровья. Осипова держала ту же голодовку в ШИЗО. Все это Осипова, когда ее конвоировали в теплушке, прокричала мужу Ратушинской, бывшему на станции. За это Осипову, а заодно и Лазареву лишили очередного свидания. На пятый день голодовки, когда мы все ослабели, Владимирова (она не принимает участия в наших делах) начала угрожать нам физической расправой, и с этого времени до сих пор мы периодически слышали, что из нас "сделают кучу трупов", и индивидуальные угрозы убийством. Все это с ведома Подуст и при ней. На седьмой день голо-

довки Великанову, Руденко и Ратушинскую "изолировали" в больницу и на восьмой день стали насильственно кормить. Великанова и Ратушинская оказали сопротивление, и их кормили в наручниках шестеро мужчин. В результате Ратушинскую ударили головой о топчан и заливали в нее жидкость, когда она была без сознания. В чувство ее приводила уже Великанова, в боксе психиатрического отделения, куда их отнесли и заперли после кормления. Бокс этот без окон, не проветривается, и на прогулку их не выводили. Они провели так пять суток. Судя по последствиям экзекуции (несужающиеся зрачки, тошнота, потеря равновесия, до сих пор головная боль), у Ратушинской было сотрясение мозга, но врач ее не осматривал, хотя терапевт Волкова Вера Александровна участвовала в процедуре и не могла не видеть, что произошло. Эта история получила большую огласку в больнице. Больше Великанову и Ратушинскую кормить не решились. Руденко, не имевшая уже сил сопротивляться, под угрозой насилия выпила приготовленную для "кормления" жидкость. В тот же день участвующая в процедуре Подуст заявила, будто уже составлен акт, что Руденко добровольно вышла из голодовки, и предложила Руденко написать об этом заявление. Руденко написала заявление обратного содержания, что она не собиралась и не собирается заканчивать голодовку, пока Лазарева в ШИЗО, что сожалеет, что поддалась на уговоры врача и выпила то, что в нее залили бы насильно, когда над ней стояли шестеро мужчин,

что в дальнейшем никакой добровольности с ее стороны не будет. После этого Руденко более суток продержали в одиночке, без воды (на девятый день голодовки), она просила санитарок дать ей воды, но они отвечали, что им это запрещено. Еще через сутки Руденко опять "накормили", на этот раз насильно, заливая жидкость через зонд. Осипову в ШИЗО не кормили, но постель ей дали, несмотря на голодовку, только на шестые сутки. Лазареву выпустили из ШИЗО на день раньше, и 29 августа, после ее возвращения в зону, мы сняли голодовку, предупредив администрацию, что если еще в ШИЗО отправят больного человека, мы повторим ту же меру.

Но есть нам после голодовки все равно было практически нечего: огород уничтожили, норму овощей не выдавали, еду приносили пересоленную и непригодную для выхода из голодовки. Зэку положено 25 г соли в сутки, и это — хочешь не хочешь — мешают в еду, которую нам приносят. Пока мы голодали, нам приносили белый хлеб, масло, сахар, яйца и т. д. Когда мы закончили голодовку, все это, конечно, исчезло, а хлеб стали приносить черный, кислый и непеченный. Мы вынимали из него куски слипшейся соли и веревочки. У тех, кто его ел, началась тошнота, боли в желудке и в почках, отеки и самочувствие было хуже, чем во время голодовки. В ларьке мы также не могли купить продукты, т. к. ларька были лишены.

5 сентября увезли Великанову. Мы просили сообщить, где она сейчас и здорова ли. Нам

известно, что она намеревалась держать и следующую голодовку 7–14 сентября 1983 г.

7 сентября мы направили через администрацию заявление участникам Мадридской встречи и объявили 8-дневную голодовку в защиту своих сограждан (все, кроме Владимировой). В этот раз никого из нас не пытались изолировать и кормить. В начале голодовки приезжал гебешник из Москвы в сопровождении местной публики, но общаться не пробовал, видя, что мы не станем. Понюхал и уехал. 14 сентября появился нач. оперотдела Управления Горкушов, спрашивал, какие у нас претензии, и заверял, что все равно мы ничего не добьемся, и поступают с нами, как велят "сверху", а за других, в том числе и за своих сограждан, нам вообще по режиму заступаться не положено. В тот же день нас впервые осмотрел врач.

После окончания голодовки нас вывели в ларек, где мы не имели права покупать продукты, и показали картину невиданного изобилия (овощи, фрукты, печенье, повидло). Это при том, что нам можно было покупать только предметы первой необходимости (их по закону лишить не могут). Но их нам тоже не продали: сказали, что мы раньше должны написать заявление с просьбой разрешить нам их купить, а начальник лагеря — подписать или отказать. Такие заявления писать мы не стали, т. к. лишать нас товаров первой необходимости противозаконно, хотя Горкушов и заверил нас, что такие действия против нас правомерны. Зато мы написали заявления в прокуратуру.

20 сентября наехала комиссия из ГУИТУ* (почему и был изображен роскошный ларек). В тот день нам принесли несоленую кашу, масло (зато третий день забывали принести хлеб) и привели комиссию, как раз когда мы сидели за столом, в порядке показухи. Тут-то мы и спросили, когда нам наконец принесут хлеб. После приезда комиссии нам продали товары первой необходимости, стали приносить не такую соленую еду, стараться выдавать норму овощей, в постановлениях (мы лишены ларька и на сентябрь, и на октябрь) пишут пока только про бирки, без дополнительного вранья, и даже Подуст была с тех пор только дважды и вела себя тихо. Вообще после второй голодовки нас сравнительно прилично кормят и даже первые пару дней носили несоленые и не костные супы, так что даже Руденко могла их есть. Вероятно, сыграла роль огласка и то, что мы не идем на уступки, и "непонятно, что с нами делать" (слова нач. лагеря Павлова).

ПОДУСТ ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА

Безуспешно пыталась нас перевоспитать. Подуст сначала пробовала интриговать, потом грозить: "Лазарева, готовьтесь в ШИЗО" (это вообще ее постоянный рефрен), потом, измышляя поводы для наказаний, лгать как в официальных документах, так и устно, а когда ее изоблича-

* ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей.

ли — грубить и кричать. Лазареву, зная, что та серьезно больна, она буквально изводила мелкими придирками и грозила ШИЗО именно потому, что, по словам врачей, еще один ШИЗО — и Лазарева свои придатки уже не вылечит. Подуст издевалась над нею как могла, совершенно по-хамски с ней говорила (о Лазаревой, видимо, говорят на свободе и за границей меньше, чем о других, и с ней обращаются более нагло), и в конце концов Лазарева вообще отказалась общаться с Подуст без свидетелей.

С 13 августа, после того как Подуст попыталась оклеветать Абрутене, мы написали в прокуратуру с просьбой возбудить против Подуст уголовное дело о клевете и оскорблении личности, а Абрутене подала на нее в суд. Это дело стараются замять, но мы настаиваем. Мы поставили администрацию в известность, что отказываемся от всякого общения с Подуст. Она время от времени появлялась у нас, пыталась спровоцировать на разговорчики, хотя бы на перебранку, но выполнять обязанности начальницы отряда уже не могла, т. к. на нее никто (кроме Владимировой) не реагировал. Конвоирование Осиповой и Лазаревой в ШИЗО, насильственное кормление Великановой, Руденко и Ратушинской, провокации со стороны Владимировой она сопровождала издевательскими комментариями, но ей не удалось никого вывести из себя. Стало известно, что сейчас она делает вид, что идет в зону, а сама стоит в запретке под забором, не желая входить и лишний раз быть в смешном положении. Когда появля-

ется (очень редко), то с сопровождающим, который ведет с нами переговоры, предъявляет постановления и т. д., то есть выполняет ее обязанности. Мы, со своей стороны, настаиваем на привлечении ее к суду и не признаем за ней права присутствовать в нашей зоне ни в каком качестве.

ВЛАДИМИРОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

После того, как она во всеуслышание кричала, что готова покаяться перед КГБ и по телевизору всем рассказать, какие мерзавцы все диссиденты, мы перестали с ней общаться и отдельно от нее питаемся. Она, тем не менее, пытается постоянно скандалить, угрожает всем вместе и каждому в отдельности, что убьет (включая и нашу кошку). Мы не реагируем и на провокации не поддаемся. Подуст заявила, что только Владимирова устраивает ее в качестве дневальной. Мы официально заявили администрации, что если ее назначат дневальной, мы не примем из ее рук ни пищи, ни медикаментов. В итоге, дневальной назначена наша кандидатура Абрутене. Владимирова ранее несколько раз судилась по бытовым статьям, в том числе за мошенничество и за воровство. Мы следим, чтобы она не рылась в наших вещах, но у нас создалось впечатление, что она все же ворует вещи: есть пропажи. Она откровенно следит за нами, активно подслушивает, не скрывает своего общения с КГБ.

МЕДИЦИНА

После выхода из второй голодовки 14 сентября нам дали освобождение от работы на три дня, а потом потребовали выполнения нормы, причем обозначили, что за невыполнение полной нормы (70 пар рукавиц в день) будут репрессировать. Полную норму мы, конечно, дать были не в силах. Мы все были в отеках, кто температурил, кто терял сознание, но врач была в отпуске, а медсестра ничего не хотела или не могла сделать. 19 сентября в зоне было четверо явно больных, нуждающихся в срочном приходе врача, мы вызывали врача с 6 утра до 2 ночи 20 сентября, но дежурный врач, который, наконец, пришел, сказал, что не может устроить ночной прием для всех, освобождение от работы — вообще не его функция и он готов осмотреть только того, кому совсем уж плохо. На следующий день действительно пришла врач, осмотрела всех, но про освобождение от работы и снижение нормы на первые дни говорить не стала, и только через неделю мы узнали, кому был продлен больничный, а кому нет. Когда вышла из отпуска прикрепленная к нашей зоне врач Волкова Вера Александровна, мы узнали, что оперотдел теперь запретил прием для нас лекарственных внеочередных бандеролей. Теперь лекарства и лечебные травы можно присылать только в очередных бандеролях — два раза в год и посылках, если их не лишат. Она подтвердила также, что 3-я группа инвалидности, которую Лазаревой дал ВТЭК в

феврале 83 г., аннулирована в мае 83 г., когда Лазарева была в больнице после ШИЗО, причем Лазарева об этом не знала и никакой комиссии не проходила. Теперь от нее требуется полная норма, которую она физически не в состоянии сделать. Каков именно диагноз Лазаревой — неизвестно, т. к. при обследовании у нее ничего, кроме хронического воспаления придатков, не обнаружено. Ухитрились "не обнаружить" даже видимые глазом последствия травмы позвоночника, почти постоянно повышенную температуру, головокружение и боли в сердце. С июня по август Лазареву лечили от дизентерии, однако диагноз не сообщили и анализы взять отказывались до отправления ее в ШИЗО. Волкова, однако, направление в ШИЗО подписала. Из прокуратуры нам пришел ответ, что "противопоказаний помещению Лазаревой в ШИЗО не было". Сейчас, после того как у нас нет зелени и сырых овощей, у Лазаревой начался дерматит от отсутствия витаминов.

Мы настаиваем на том, чтобы Лазареву поместили в больницу, обследовали и восстановили сниженную норму, но не уверены, что опять не повторится прежняя история. Мы намерены объявить голодовку, если самых больных — Лазареву и Беляускене — отправят в ШИЗО, т. к. считаем, что это угрожает не только их здоровью, но и жизни. При помещении в ШИЗО остальных — забастовка.

14 ноября Лазаревой и Владимировой велят собираться на этап — куда не сказали. Лазарева

была больна, ее обещали положить на обследование, но оттягивали — "нет мест". 14 ноября у нее была температура $37,3^{\circ}$, она жаловалась на боли в животе, сердце у нее болело всю неделю до этого. Ей дважды перемеривали температуру, но тем не менее ст. л-т Подуст и ДПНК Шишокин утверждали, что Лазарева симулирует. Однако на этап ее в этот день не взяли. Но и в больницу не положили. 16 ноября за ней опять пришли. Она по-прежнему была больна — в постели. Она вызвала врача. ДПНК Шалин сказал: "Собирайтесь, вас осмотрит врач на вахте, и если окажется температура, вас, конечно, никуда не повезут". Мы потребовали, чтобы температуру измерили при нас. Врач В. А. Волкова это сделала, и оказалось $37,3^{\circ}$. Она молча ушла, а следом явились зам. нач. по режиму м-р Пазезин, полковник Шлепанов, несколько прапорщиков и женщин из больничной обслуги. Шалин объявил, что Волкова дала заключение: Лазарева пригодна к этапированию. Сказал, что если она не пойдет сама, ее потащат силой. Осипова и Ратушинская загородили собой постель с Лазаревой. Им скрутили руки и оттащили от кровати, а Лазареву, раздетую и больную, в трусиках и блузке, вытащили из постели на мороз. Шлепанов объявил нам, что Лазарева отправлена "на перевоспитание" в изолятор КГБ, в Саранск. Т. к. Лазарева кричала и звала на помощь, ее по дороге избивали. Она теряла сознание, но помнит, что ее бил сапогом ДПНК Шалин. В Саранске Лазаревой отказались снять побои, и только через неделю ее осмотрел

врач и зафиксировал оставшиеся синяки и ссадины. Лазарева отказалась говорить с ГБ обо всем что касается ее дела и ее знакомых. Она подала в суд за избиение, но не знаем, будет ли дело принято к рассмотрению.

Абрутене, Барац, Беляускене, Осипова, Ратушинская обратились с протестом и требованием возбудить уголовное дело в прокуратуру. Осипова и Ратушинская заявили, что считают своим долгом привлечь внимание советской и зарубежной общественности к судьбе Лазаревой. Кроме того, Осипова и Ратушинская обратились в медуправление ЖХ—385 с требованием обследовать и лечить Лазареву. Заявление в медуправление было конфисковано (по параграфу 33 ПВР)*.

20 октября Беляускене попала в больницу. Лечащий врач В. Ф. Гунькин сказал, что ему неизвестно, чтобы у Беляускене был вырезан желчный пузырь и что операционный шрам — не доказательство. "Может, вам просто так разрезали". В диете отказал.

25 октября к Беляускене пришли сотрудники политотдела Управления ст. л-т Г. П. Вотрин и к-н А. Н. Учакин в сопровождении Подуст по поводу запроса Беляускене в ГУИТУ с требованием вернуть ее тело родным, если она умрет. В том, что она в таких условиях не переживет

* Согласно этому параграфу, "осужденный подает жалобы и заявления только от своего имени и по вопросам, касающимся лично его..."

срок, она уверена. Вотрин сообщил ей, что есть приказ, по которому в таких случаях спецчасть сразу должна известить родственников умершего, и те имеют право получить тело, для чего им следует приехать в Управление, чтобы оформить документы. Объясняя причины, заставившие ее написать такое заявление, Беляускене сказала, что после операции врачи ей велели соблюдать строжайшую диету, если она хочет жить. А почти все, чем ее кормят в лагере, ей запрещено. Все время влезавшая в разговор Подуст заявила: "Здесь таких больных много. Если вам дать диету, то и все потребуют".

25 октября стало известно из письма, что муж и девятилетний сын Абрутене 14 октября приезжали на личное свидание, но администрация заявила, что обоих положенных ей свиданий по приезде — длительного и краткосрочного — она лишена. Абрутене об этом не знала. Ей приносили только одно постановление в лишении свидания за отказ носить нагрудный знак.

Кроме того, по ст. 53 ИТК РСФСР з/к могут лишиться только одного — очередного — свидания, а не очередного и следующего за ним. При этом сроки и очередность первых двух свиданий з/к определяет сам. 25 октября Абрутене написала заявление с требованием восстановить ее право на одно из свиданий.

Ответа не было. 15 ноября мы вызвали нач. лагеря Павлова и потребовали объяснений. Он пригрозил, что будет наказывать за то, что мы заступаемся друг за друга, заявил, что обоих свиданий

Абрутене лишена законно, но выяснилось, что он даже не знает, за что. Абрутене, Барац, Беляускене, Лазарева, Осипова, Ратушинская, Руденко объявили забастовку до тех пор, пока Абрутене не восстановят право на свидание. В тот же день — 15 ноября — выяснилось, что второго свидания Абрутене лишена за то, что 20, 22 и 23 августа не работала "без уважительной причины". С 17 по 22 августа (включительно) Абрутене участвовала в общей голодовке по поводу водворения в ШИЗО больной Лазаревой. 22 августа ее осмотрела врач и сказала, что здоровье Абрутене в угрожающем состоянии (предыдущая голодовка — с 25 июля по 9 августа включительно) и по требованию союзниц 23 августа Абрутене голодовку прекратила, а остальные продолжали.

23 августа Абрутене была нетрудоспособна, да никто и не требовал от нее работы, т. к. она еще не была оформлена, приехала в зону только 12 августа, после голодовки. Ее оформили на работу только 1 сентября. В тот же день — 15 ноября — зам. нач. участка по политвоспитательной работе Шалин (не путать с ДПНК Шалиным) пытался заявить, что Абрутене не работала с октября. Абрутене возразила, что все время с 1 сентября она была оформлена дневальной и работала. Мы все это засвидетельствовали. Тогда Шалин заявил, что ставка дневальной вообще нашей зоне не положена и упразднена. На вопрос, с какого числа, он помявшись заявил, что с 15 ноября. Тем не менее, за октябрь Абрутене зарплату не начислили.

Забастовку мы все продолжаем по сей день. 18 и 24 ноября Подуст принесла постановления об очередных наказаниях. Так как мы отказались с ней общаться, раньше нас познакомили с постановлениями другие лица. Зная, что из ее рук мы не возьмем никаких документов, администрация теперь стала присылать с постановлениями Подуст, а другим знакомить нас с ними запрещено. Таким образом, мы даже не знаем, кто чего лишен (свидания в том числе). Написали заявление Павлову с просьбой дать нам возможность ознакомиться. Ответа нет. Кроме того, зам. по ПВР Шалин объявил нам, что по распоряжению некоего высокопоставленного лица (отказался назвать) нам больше не дадут переписывать текст постановлений.

16 ноября Ратушинской и Руденко заявили, что их кладут в больницу. Они собирались. Дежурная Киселева, проверяя вещи, приказала им оставить письма, хотя до сих пор нам никто не мешал иметь письма при себе (что нам и положено по закону). Известно, что если уезжая, оставить письма в зоне, их могут отобрать или украсть (в прошлом году, когда всех возили в Саранск, оставленные под честное слово администрации вещи, в том числе и письма, многие пропали). Руденко письма оставила, а Ратушинская настаивала на своем праве иметь их при себе, ссылаясь на ПВР (ей было известно, что КГБ проявил внезапный интерес к ее переписке, по этому поводу врач (?) беседовал в роддоме с беременной Лилианой Варвак — ее киевской знакомой).

Начальник режимного отдела ст. л-т Сурайкин сказал, что тогда письма надо проверить: "А вдруг вы там что-то записали?" Ратушинская предложила проверить сейчас же при ней. Сурайкин сказал, что пришлет работников из оперчасти. Руденко отвели в больницу, а Ратушинскую оставили. Из оперчасти так никто и не пришел.

С 18 ноября состояние Ратушинской ухудшилось, поднялась температура, усилились боли в области почек. Вызванная врач Волкова заявила, что с 16 ноября Ратушинская оформлена в больницу, а идти якобы отказывается, и если бы она была больна — то на все бы пошла, лишь бы лечили. Ратушинская заявила, что, напротив, она настаивает на лечении, но попасть в больницу может только в сопровождении конвоя, которому не велено ее выводить. Волкова ответила, что если она не уступит, то не попадет в больницу до конца срока. Но 24 ноября Ратушинскую, хотя она и не уступила, с письмами привели в больницу. Чем именно больна Ратушинская — неизвестно: она вошла в тюрьму абсолютно здоровой, за медпомощью обратилась впервые в апреле 1983 года, но ей до сих пор никакой помощи не оказали, и диагноз не поставили.

30 ноября ее неожиданно, не кончив обследования, вызвали на укол. Но отказались сказать, что собираются вводить, и диагноз тоже не сообщили. Ратушинская сказала, что не позволит себе вводить неизвестно что — пусть скажут, что колют. Врач Гунькин сказал: "Не твое дело, а будешь выступать — выпишу". На следующий день

ее опять вызвали на укол, на этот раз сообщили, что введут только витамины, против чего Ратушинская не возражала, и укол был сделан.

2 декабря Ратушинскую неожиданно выписали из больницы с формулировкой "за нарушение режима содержания и отказ от лечения". Она пришла в зону с той же температурой, с которой шла в больницу, что потребовала зафиксировать. Все время пребывания в больнице у нее была температура (в среднем $37,5^{\circ}$), что фиксировалось дважды в день. Кроме того, она простудилась в больнице, и у нее снова появились сильные отеки. 7 декабря она вызвала врача Волкову, чтобы показаться ей. Волкова отправила ее на рентген легких, осмотрела в то же утро Осипову (у Осиповой было обострение хронического пиелонефрита — плохие анализы, боли, температура). Волкова прописала ей 7 декабря курс лечения 5-НОК — и через полчаса Ратушинскую и Осипову отправили в ШИЗО за забастовку: Ратушинскую на 12, Осипову на 15 суток. 19 декабря отправили в ШИЗО Лазареву на 14 суток "за сопротивление". Т. к. здоровье Лазаревой в угрожающем состоянии, Осипова, Матусевич, Ратушинская объявили голодовку до освобождения Лазаревой. Остальные, продолжая забастовку за свидание Абрутене, добавили к забастовке еще один мотив и написали заявления, что морально поддерживают голодающих. Осипова приехала из ШИЗО с температурой $37,5^{\circ}$, к вечеру она поднялась до $38,3^{\circ}$, у нее хрипы в легких, ухудшение состояния почек и печени, кашель. Ратушинская

вернулась с усилившимися болями в области почек и отеками, в тот же день обратилась за мед. помощью и ждет ее до сих пор. В ШИЗО (мы тайком пронесли термометр) средняя температура воздуха была $+13^{\circ}$, максимальная — $+15^{\circ}$.

СОДЕРЖАНИЕ В ШИЗО

Температура в ШИЗО, как правило, ниже 16° С. Чтобы заключенные не жаловались, им показывают стрелочный термометр, который никогда не меняет показаний. На сколько градусов администрация выставит стрелку, столько он и показывает. Осипова проверяла, работает ли он, положив его в снег, наметанный из окна (что само по себе характеризует температуру в камере). Но и в снегу термометр показывал все те же $15,5^{\circ}$, с которыми его принесли. Есть в ШИЗО и другой — спиртовой термометр, который в принципе работал. Но его приносили подогретым до $26-27^{\circ}$, клали "на тряпочку" (чтоб не на железном столе — для лучшей теплоизоляции), ждали пару минут, то и дело хватаясь руками за резервуар со спиртом: "сколько там набежало", и не давали времени, чтобы столбик спирта опустился. Мы требовали, чтоб, если нет времени ждать, охладили термометр до 16° и посмотрели, опустится или поднимется уровень спирта в капилляре. Но все дежурные единодушно предпочитали подогревать термометр руками. Однажды в нашей камере была таким образом зафик-

сирована температура 27° С! Мы дважды обращались к нач. учр. ЖХ—385 (куда нас возят в ШИЗО) Колединову с письменными разъяснениями, как нужно измерять температуру, чтоб не было фальсификации данных, — безрезультатно. Осипова и Ратушинская тайком пронесли в ШИЗО термометр из зоны и восемь дней вели эксперимент: сверяли действительную температуру в камере с той, которую в это время фиксировали с помощью фальшивых измерений.

При этом дежурные, не споря, что в камере прохладно, заявляли: "У вас же горячая печка!" — "У вас же горячая батарея!" 31 января (когда нам было это сказано) мы контактным способом измерили температуру "горячей печки" — оказалось 23° С, и "горячей батареей" — $23,5^{\circ}$ С. Это был редкий случай, когда топились и печка, и батарея — все равно температура только днем дошла до 16° С. Дело в том, что камеры требуют ремонта: из окон дует (не замазаны), с полу дует (половицы расшатаны и частично сгнили; между ними щели), и обогреть камеры все равно невозможно — они не держат тепла.

8 февраля в ШИЗО приезжал зам. прокурора ЖХ—385 Осипов (не путать с полит. з/к Осиповой!). В честь его приезда нам выдали телогрейки в камеры. Мы потребовали, чтоб в камере измерили температуру. Нам принесли знаменитый стрелочный термометр: он стоял на 15° С и показаний не изменил. Сразу вслед мы потребовали казенный спиртовой и заставили провести измерение правильно (дежурные были напуганы и

слушались). Оказалось +9° С. Осипов, однако, при измерении не присутствовал, уехал (телогрейки с нас на другой день сняли) и прислал бумагу, где было сказано: "Установлено, что условия содержания в ШИЗО соответствуют ПВР ИТУ, в случае низкой температуры осужденным выдается теплая одежда".

После отъезда Осипова спиртовой термометр оказался сломан: отбита верхняя часть шкалы, фиксирующая шкалу в неподвижном положении. Теперь шкала ездит вверх-вниз, что позволяет поставить ее в любое положение с диапазоном 10–15° С. Так что теперь благополучная отчетность в ШИЗО обеспечена.

Раньше нас оставляли в своей одежде (нижнее белье и платье, свои тапочки). С конца 83 года заставляют переодеваться в выдаваемое в ШИЗО платье и тапочки. ШИЗО обслуживает уголовную зону в 2 тыс. человек. Вероятность подхватить заразу очень велика. Ратушинская получила на ногу от казенных тапочек не то грибок, не то чесотку. (Наша врач Волкова старается замять дело и не говорить диагноз. Кстати, и не делает ничего, чтобы вылечить.)

В феврале 84 г. нам заявили, что отныне будут снимать с нас в ШИЗО и нижнее белье — оставлять в трусах и лифчике. И без этого все, кто был в ШИЗО, приезжали оттуда больные. Теперь при таких температурах — не знаем, что будет. 5 февраля измерили температуру в бане — своим термометром. В раздевалке — 11° С. В самой бане — 16° С.

Новенькая — Ольга Матусевич — ст. 62 УК СССР (аналог ст. 70 УК РСФСР), 3 года без ссылки. Приехала 12 декабря 1983 г., начало срока — 12 марта 1983 г.

Галина Барац узнала из письма, что ее муж Василий Барац неизвестно куда делся из Пермского лагеря № 35. На телеграфный запрос, посланный 2 декабря, ей не ответили до сих пор. Сегодня 22 декабря, и она все еще не знает, где ее муж и жив ли он. Давно нет вестей (последнее письмо — 8 мес. назад) и от Ивана Ковалева (35 лаг.). Сообщите об обоих в любом письме.

28 октября в лагерь прибыла Доронина Лидия Андреевна, осужденная по ст. 65 ч.1 УК Латв. ССР (соотв. ст. 70 ч. 1 УК РСФСР) на 5 лет лагерей и 3 года ссылки. Она родилась 28 июля 1925 года, латышка, пенсионерка (пенсия 32 руб.), вдова. В 1947 г. была осуждена по ст. 58—1 через 17 к 5 г. лагеря и 3 ссылки, в 1970 г. по ст. 183—1 УК Латв. ССР (соотв. 190—1) на 2 года за распространение самиздата.

Судил Доронину Верховный Суд Латв. ССР с 29 июля по 1 августа в официально закрытом заседании. Судья — Дударс А., заседатели — Страутиня Э. и Мейерс Г., прокурор — Батарагс В.

Дорониной инкриминировали распространение трех фотопленок, нелегально полученных из-за границы.

Ей инкриминировали также распространение анкеты об "в изгнании умерших и убитых при

советской власти латышах, начиная с 1940 г.", и распространение книги Аншлава Эглитиса "Пять дней", сборника "Память", а также передач заграничных радиостанций, которые она записывала на магнитофон и давала прослушивать знакомым.

Доронина признала вину частично, не отвечала на вопросы о своих убеждениях и других лицах. Она сказала, что не была знакома с текстами фотоплёнок. Признала, что давала прослушивать радиопередачи и читать "Память". Доронина сказала, что она настроена лояльно к советской власти и не испытывает злости на нее, но по отдельным вопросам не может согласиться, т. к. имеет другие взгляды, чем приняты в советском обществе. Суд решил Дорониной не верить.

Вынося приговор, коллегия учитывала, что Доронина частично свою вину признала, что она пенсионерка, но работала в колхозе, где работу выполняла удовлетворительно.

Кроме того, суд учел преступный, систематический и неотступный характер деятельности Дорониной.

Приговор: 5 лет строгого режима и 3 ссылки. Три магнитофона и транзисторный приемник конфисковать. Начало срока: 6 января 1983 г.

* * *

23 декабря 1983 г. Ратушинскую отправили в ШИЗО на 12 суток "за невыход на работу без ува-

жительных причин” 19, 20, 21 и 22 декабря. 19 декабря Ратушинская только приехала из предыдущего ШИЗО и немедленно вызвала врача. Показала Волковой В. А. сильные отеки, сообщила, что боль в области правой почки усилилась, и потребовала медицинской помощи. Температура у Ратушинской оказалась днем нормальной, медпомощи врач ей никакой не оказала и ушла. Вечером у Ратушинской поднялась температура, но вечером ее не осматривали, как и на следующий день.

С 21 декабря Ратушинская объявила голодовку с требованием освободить Лазареву из ШИЗО и оказать ей медицинскую помощь. Но и в голодовке, и больная после ШИЗО она была признана администрацией трудоспособной, и Волкова под этим подписалась. По словам Волковой, врач не имеет права давать освобождение от работы во время забастовки.

В ШИЗО голодающую Ратушинскую поместили с Лазаревой в одну камеру. Лазареву кормили, как обычно в ШИЗО, в камере было холодно, но измерить температуру на этот раз не удалось. Лазаревой становилось все хуже. Она написала в медуправление с требованием улучшить ей как больной условия содержания и оказать медицинскую помощь, иначе она с 26 декабря объявит голодовку. Ее смотрела врач, диагностировала сердечную недостаточность и велела сдать анализ мочи. Никакой медпомощи Лазарева не получила и объявила с 26 декабря голодовку. Ни Лазаревой, ни Ратушинской не выданы

постели, несмотря на их требование, за все время голодовки нары днем запирали, и они лежали на полу.

В ночь с 27 на 28 декабря у Лазаревой были два сердечных приступа, она задыхалась и хрипела. Оба раза Ратушинская немедленно вызывала врача, но никто не приходил. Только 28 вечером медсестра сказала в кормушку, не заходя в камеру, что анализ мочи у Лазаревой — ”отличный”, и поэтому врач не придет. Лазарева с той ночи до 2-го января пролежала на полу у батареи (почти все время холодной), и никто, кроме Ратушинской, никакой помощи ей не оказывал, хотя Ратушинская регулярно за этим обращалась. У Лазаревой было еще два сердечных приступа, обострилось воспаление придатков (ее корчило от боли), была тошнота и рвота. 2 января, когда ей надо было освободиться из ШИЗО, она не могла самостоятельно идти, ее несли. Ратушинская заявила, что снимет голодовку только тогда, когда лично уверится в том, что Лазарева живая доехала до зоны и помещена в больницу.

Она выходила из ШИЗО 4 января, на 15-й день голодовки, и увидела Лазареву в окно больницы, после чего голодовку сняла. Врач Волкова осмотрела Ратушинскую — давление 100 на 60, температура $37,7^{\circ}$ — и сказала, что на сегодня, раз температура, она ей освобождение от работы дает, а завтра еще посмотрит (к этому времени она выяснила, что может освобождать от работы во время забастовки). В последующие дни температура у Ратушинской держалась, поднимаясь к вечеру до 38° .

Абрутене, Барац, Беляускене, Матусевич, Осипова обратились в прокуратуру в связи с отправкой Ратушинской в ШИЗО.

Осипова указала, что протестуя против бесчеловечного обращения с Ратушинской, она продлевает голодовку, объявленную в связи с помещением в ШИЗО Лазаревой, до возвращения из ШИЗО Ратушинской.

Матусевич 24 декабря (на 4-е сутки) голодовку сняла по состоянию здоровья, а также в связи с заявлением Подуст, что в ШИЗО у Лазаревой и Ратушинской температура – 18⁰.

29 декабря в связи с ШИЗО Лазаревой и Ратушинской начала голодовку Беляускене.

4 января после возвращения Ратушинской из ШИЗО и помещения Лазаревой в больницу Беляускене, Осипова и Ратушинская голодовку прекратили. Насильственного кормления на этот раз ни на ком не применяли.

5 января в зону пришли зам. по ПВР Шалин, Подуст и Арапов (нач. отряда в мужской зоне). Они пригласили для беседы Осипову. Ей предложили прекратить забастовку. Осипова ответила, что как только Абрутене будет предоставлено свидание, она немедленно приступит к работе. Шалин объяснил Осиповой, что в Уголовный кодекс введена 188—3 статья, по которой злостным нарушителям режима может быть добавлен срок до 5 лет. Осипова сказала, что "у администрации странная логика: вы будете нарушать закон, а мы не можем протестовать, потому что в кодексе есть 188 статья!" Подуст, все время

вмешивавшаяся в разговор, резюмировала: "Очень жаль будет, Осипова, если вы освободитесь не в 85-м, а в 90-м году".

Шалин сказал, что Абрутене и Ратушинскую правильно наказали, так как заключенные обязаны работать и во время голодовки, а если их изолировали, то в изоляторе тоже должна быть предоставлена работа.

Шалин сообщил, что Абрутене оплачена ее работа дневальной по 15 ноября.

27 декабря Барац пришел ответ на запрос о муже. Начальник 35-го Пермского лагеря Осин сообщил, что ее мужа увозили свидетелем на суд.

9 января Эдита Абрутене и Галина Барац были отправлены в ШИЗО на 10 суток каждая. Вернулись обе с ангиной. У Барац опухли суставы (у нее ревматический артрит). Полоскание для горла им в ШИЗО все время "забывали" принести, лекарства для лечения суставов не было. Абрутене в ШИЗО лепила из хлеба цветы, фигурки, цепочки. Все это было у нее там отобрано и сломано.

10 декабря 1983 г. голодовку в связи с Днем прав человека держали Абрутене, Барац, Беляускене, Доронина, Лазарева, Осипова, Ратушинская.

12 января в День украинского политзаключенного Ольга Матусевич направила в Президиум Верховного Совета СССР заявление. Беляускене, Осипова, Ратушинская написали заявления, в которых выразили солидарность с борьбой украинских политзаключенных.

12 января Осипову вызвал на допрос по делу

Валерия Марченко старший следователь УКГБ Морд.АССР Петрушин Александр Семенович. Осипова отказалась давать показания.

20 и 21 января 84 г. всех заключенных Малой зоны (кроме Лазаревой, лежавшей в больнице) вызвал Артемьев Павел Поликарпович, сотрудник Мордовского УКГБ, подполковник. Он сообщил, что назначен начальником Управления КГБ ЖХ—385 вместо Белова. Барац, Беляускене, Осипова, Ратушинская отказались с ним разговаривать. Доронина заявила, что может говорить с ним только о религии, остальные высказали ряд претензий в адрес администрации. Артемьев очень настаивал, чтобы с ним разговаривали хоть о чем-нибудь, а Ратушинской он заявил: "Вы со мной не хотите разговаривать, но все равно придется, потому что могут возникнуть обстоятельства, при которых вы ни к кому не сможете обратиться, кроме меня, и тогда уже вы будете просить меня, а я — молчать. Хорошо ли получится? Я ничего такого не имею в виду, но ведь, например, у вас есть грядки, на которых вы выращиваете "цветы", так что летом вы обязательно ко мне обратитесь".

26 января зону посетил прокурор ЖХ—385 Ганичев (впервые за несколько лет). Он подтвердил Владимировой, что заявления в Верховный Совет могут не отправляться на основании параграфа 33 п.6: "Жалобы и заявления, адресованные в государственные органы, общественные организации и на имя должностных лиц, содержащие вопросы, которые эти органы, обществен-

ные организации или должностные лица в силу положения о них или их правомочий решать не компетентны, адресатам не направляются”. В этот день Владимирова начала голодовку, требуя, чтобы ей носили пищу отдельно от нас. Прокурору она при нас сказала, что голодает из-за того, что ее заявления в Верховный Совет не отправляются (на следующий день она, по ее словам, написала соответствующее заявление о голодовке). Голодовка продолжалась 11 суток. Прекратилась после того, как Владимирову вызвал Павлов и, по ее словам, обещал, что впредь все ее заявления в Президиум Верховного Совета будут отправляться.

Ганичев подтвердил Абрутене, что заключенные имеют право обращаться в суд и поручил присутствующему при разговоре Гайниченко проследить, чтобы ее заявление было отправлено. В вопросе со свиданием Абрутене он обещал разобраться лично и попросил ее написать повторно на его имя заявление с изложением сути дела. С Ратушинской у него состоялся такой диалог:

Ратушинская: Почему мне не отдают мой приговор?

Ганичев: А суд был открытый или закрытый?

— Разве по 70-й статье может быть закрытый суд?

— Может, если на нем разглашается государственная или военная тайна или компрометирующие обстоятельства личной жизни.

— На моем суде ничего такого не разглаша-

лось, и он был открытым.

Реплика Осиповой: Кроме того, приговор все равно всегда бывает открытым.

— Да.

Ратушинская: Тогда почему мне его не отдают?

— Раз не отдают, значит, имеют право.

— На каком основании?

— Есть нормативные акты, которые предусматривают, как поступать с лицами вашей категории. Они секретные, и я вам их не покажу.

— А кем они изданы?

— Не скажу.

— Но если они противоречат закону?

— Не противоречат. В общих зонах, где тысячи людей, у всех на руках приговоры. Так их давно скурили или спустили в туалет, а вы тут все кодексы знаете, так для вас и есть нормативные акты.

— Значит, в СССР есть секретные законы?

— Есть военные уставы и другие инструкции, которые не каждый имеет право знать.

— Значит, есть секретные законы?

— Значит, есть.

— А почему так опасно, чтобы я знала свой приговор?

— Если есть опасения, что он будет использоваться в антисоветских целях — мы же не знаем, кому вы будете его читать или переписывать, — круг лиц, имеющих право знакомиться с ним, ограничивается.

На наш вопрос о том, обязаны ли мы работать в голодовке, Ганичев ответил, что в инструкции

о голодовке сказано, что заключенные должны выполнять все законные "требования администрации". "Если вы в голодовке, все равно вы должны выполнять норму на 100 %, ходить строем и не афишировать, что вы голодаете".

После разговора с Ганичевым Эдита Абрутене вновь направила в суд заявление на Подуст. Оно было конфисковано как клеветническое и содержащее нецензурные выражения. Нецензурным оказалось слово "проститутка", которым Подуст назвала Абрутену и которое та процитировала.

30 января Осипова и Ратушинская были отправлены в ШИЗО за невыход на работу и отказ носить нагрудный знак. Осипова заявила Павлову, что ее не имеют права отправлять в ШИЗО, т. к. у нее с утра температура 37,0⁰ (измеряла в присутствии Волковой), а позже, несомненно еще поднимется. Присутствовавшая Подуст вмешалась: "Это нормальная температура". Павлов, колебавшись, подписал постановление — 13 суток. Ратушинская получила 15 суток. Об условиях их содержания в ШИЗО Осипова и Ратушинская сообщили в Прокуратуру Морд. АССР. Оба заявления одинаковы.

В ШИЗО Ратушинская обратилась к врачу с жалобой на отеки и боли в области почек. Ей назначили лечение. Она заявила, что не разрешит делать уколы и не будет пить таблетки, пока ей не сообщат, от чего и чем ее лечат. Лекарства ей сказали не сразу, от сообщения диагноза пытались уклониться, но в конце концов сообщили даже два:

пиелит и хронический пиелостит. Осипова и Ратушинская в ШИЗО чувствовали, что у них повышенная температура, но добиться градусника так и не смогли: медсестры говорили, что у них в медчасти градусников всего два, а сейчас очень много больных гриппом.

7 февраля в лагерь приехал заместитель Ганичева Осипов. Вызывал для беседы в оперчасть, где присутствовал Шалин (зам. по ПВР) и Павлов. Осипов отказывался разговаривать о забастовке и о свидании Абрутене: "Я не слушаю, я не слушаю! Вы не имеете права говорить о других!" Беляускене Осипов сказал, что после смерти з/к его тело выдается родственникам не обязательно, а только с разрешения санэпидстанции. Абрутене дала Осипову свое заявление в суд на Подуст и спросила, есть ли в нем нецензурные выражения. Павлов вмешался: "Вы в нем клевете на представителя администрации". Осипов стал объяснять Абрутене, что Подуст сделала замечание в корректной форме. Абрутене сказала: "Ну, я вижу, с вами нечего разговаривать", — взяла у Осипова свое заявление и вышла.

8 февраля Осипов посетил в ШИЗО Осипову и Ратушинскую. Ратушинская заговорила о свидании Абрутене. Осипов сказал, что он объяснил вчера Абрутене, что она лишена свидания законно. Ратушинская спросила: "На каком основании от нас требуют, чтобы мы работали во время голодовки?" Осипов сказал: "Не может быть. Вот вас, например, разве заставляли?" Ратушинская ответила, что как раз ее заставляли и поместили

в ШИЗО за то, что она не работала в голодовке. Осипов: "Как?! Мы будем это проверять!" – но через минуту стал говорить, что заключенные обязаны работать и во время голодовки. То же самое он, уже бойко, объяснил Осиповой. На вопрос Осиповой, на какой день голодающего должен осмотреть врач и какой должна быть норма выработки, он ответил: "Норму вы должны выполнять 100 %, осматривать вас, пока ходите, никто не обязан, вот когда упадете, тогда и осмотрят". О свидании Абрутене он отказался разговаривать, сославшись на пункт ПВР, запрещающий обращаться по поводу других людей. Осипова возразила, что она не лишена гражданских прав и может ставить в известность прокуратуру о случаях нарушения законности, это право гарантировано, в частности, Конституцией, а Правила внутреннего распорядка не должны противоречить Конституции. "Никаких конституций!" – воскликнул прокурор. "С таким прокурором мне не о чем разговаривать", – заявила Осипова и вышла.

8 февраля в ШИЗО были помещены Эдита Абрутене и Ядвига Беляускене. Абрутене на 15, Беляускене на 10 суток. Абрутене, приехав в ШИЗО, немедленно написала заявление с требованием вызвать Артемьева. Через 2 часа пришел сотрудник КГБ Тюрин. Суть беседы: Абрутене объяснила, что КГБ невыгодно сажать нас в ШИЗО и вообще обращаться с нами плохо, т. к. мы – зеркало их гуманизма и советской власти будет только вред, если мы выйдем из лагеря

больными. Тюрин утверждал, что сажает нас в ШИЗО не КГБ, а администрация. Аналогичная беседа состоялась между ними и на следующий день.

8 февраля Абрутене, Осипова и Ратушинская написали протест в прокуратуру по поводу ШИЗО Беляускене и обратились к начальнику Управления Хамлюку с заявлением, в котором предлагали отсидеть в ШИЗО за Беляускене, а также все ШИЗО, которые будут у нее впереди.

9 февраля Осипова и Ратушинская с тем же предложением обратились к Тюрину, объяснив, что делают исключение из отказа общаться с КГБ, т. к. ШИЗО может стоить жизни Беляускене, поэтому они обращаются ко всем, кто может содействовать ее освобождению.

Барац, Доронина, Лазарева, Матусевич обратились в прокуратуру с протестом в связи с ШИЗО Беляускене, кроме того Барац и Доронина объявили однодневную голодовку протеста на 9 февраля, Лазарева — трехдневную на 9–11 февраля, Матусевич — с 9 февраля до выхода Беляускене из ШИЗО. 13 февраля Барац, Лазарева, Матусевич направили начальнику лагеря Павлову заявление с предложением отсидеть за Беляускене все ее ШИЗО.

Голодовку объявили вернувшиеся из ШИЗО Осипова (с 12-го) и Ратушинская (с 13-го) — до освобождения из ШИЗО Беляускене.

17 февраля после возвращения Беляускене Матусевич, Осипова, Ратушинская голодовку прекратили.

Из прокуратуры все получили стереотипный

ответ, что обращаться по поводу других нельзя и что Беляускене по состоянию здоровья ШИЗО не был противопоказан.

(Примечание: ШИЗО Беляускене перенесла относительно благополучно, т. к. ее не раздели, кроме того нам удалось пронести в камеру, а позже украсть из рюкзака некоторые теплые вещи, и Беляускене была тепло одета. Тем не менее она начала кашлять, усилились боли в почках, вообще состояние Беляускене в последнее время (зима) ухудшилось. У нее сильная слабость, она быстро устает, нередко до полного изнеможения, усилились боли в сердце.)

22 февраля Абрутене получила от Ганичева ответ, что она обоснованно лишена свидания 24 августа, 30 августа и 2 февраля. Из этого ответа Абрутене стало известно, что 2 февраля она вновь лишена свидания (срок которого наступал 24 февраля). В январе нам неоднократно предлагали приступить к работе, уверяя, что в этом случае Абрутене 24 февраля получит личное свидание. Кроме того, Ганичев просил предупредить Абрутене, что она встала на путь злостного неповиновения администрации.

В феврале поступило распоряжение снять с наших лицевых счетов деньги за питание за декабрь—январь. Нам сообщили, что это будет делаться и впредь.

Лазаревой пришел ответ из Прокуратуры Морд. АССР на ее жалобу об избииении во время этапирования в Саранск:

Прошу сообщить осужденной Лазаревой, что ее жалобы на незаконные действия администрации ИТК—3 по поручению Прокуратуры МАССР проверялись прокуратурой ЖХ—385.

Установлено, что Лазарева отказалась выполнить постановление начальника следственной группы КГБ МАССР об этапировании ее в следственный изолятор КГБ в г. Саранск. Решение о принудительном выводе ее на этапирование 16/XI—83 г. администрацией ИТК—3 было принято на законных основаниях, т. к. согласно медицинской справке Лазарева этапироваться могла.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

*Старший помощник прокурора
республики младший советник
юстиции Максимов.*

Лазареву выписали из больницы 7 февраля, на этот раз ее обследовали гораздо тщательнее, чем прежде, когда "ничего не обнаруживали", видимо, сказалось личное вмешательство начальника медуправления Самойленко. Ей установлены диагнозы: стенокардия, язвенный колит, хронический холецистит, хроническое воспаление придатков, установлена пониженная кислотность. Причина болей в позвоночнике и отеков по-прежнему не выяснена.

26 декабря Руденко из больницы этапировали в Киев. Из Москвы в Киев летела самолетом. Там

содержалась в СИЗО* КГБ. Постановление о цели и основании этапирования не было предъявлено ни в Мордовии, ни в Киеве. С ней беседовали в основном работники оперативного отдела КГБ Гончар и Илькив, в конце пребывания в Киеве — начальник оперативного отдела.

Они постоянно беседовали с Руденко о Ратушинской и Матусевич: "Там у вас теперь Ратушинская заправляет? А почему она такая злая?" "Что Матусевич рассказывает?" Руденко сказала, что разговаривает в зоне в основном о работе. Ей предоставили часовое свидание с братом, а на следующий день — с матерью. Спрашивали, не хочет ли она в театр или на экскурсию. Она отказалась. Ей сказали, что она может поехать в ссылку к мужу, если пообещает, что не будет заниматься антисоветской деятельностью. В эту деятельность они включили и конфликты с лагерной администрацией. Руденко дала честное слово, что не будет. Ей предложили сделать это в письменном виде. Она отказалась, повторив при этом, что антисоветской деятельностью больше заниматься не будет. Ей объяснили, что если она даст слово письменно, то в случае, если она его нарушит, они смогут предъявить ей эту бумагу, кроме того, КГБ сможет обратиться в Верховный Совет с ходатайством о помиловании. Писать о помиловании Руденко также отказалась, и 2 марта она вернулась в зону. Руденко намерена приступить к работе, она мотивирует это тем, что есть ст. 188—3.

* СИЗО — следственный изолятор.

В феврале-марте проводился ВТЭК. Дорони-на и Беляускене получили вторую группу инвалидности, Лазарева — третью, при этом Беляускене объяснили, что она все равно должна работать за машинкой 4 часа в день.

18 февраля в Малую зону прибыла Парек Лагле, род. 17 апреля 1941 г., эстонка, арестована 5 марта 1983 г. по ст. 68 ч. 1 УК Эст. ССР (со-отв. ст. 70 ч.1 УК РСФСР). Суд с 13 по 16 декабря. На суде дали 6 лет общего режима + 3 ссылки. Подельники — Арво Пести, Хейки Ахонен (племянник Парек), обоим дали по 5 лет усиленного режима + 2 ссылки. Президумом Верховного суда Эстонии 11 января приговор был отменен из-за судебной ошибки в определении режима. 13 января состоялся новый суд, на котором рассматривался только вопрос о режиме. Всем дали строгий. В приговоре, который вручили им 3 января, уже был напечатан строгий режим. Парек отказалась надеть нагрудный знак.

3 марта Подуст сообщила Дорониной, что из Верховного Совета Латвии пришел запрос — прислать материал по Дорониной. Подуст предложила Дорониной написать прошение о помиловании. Та отказалась, заявив, что не хочет просить о помиловании, т. к. не считает себя виновной. Доронина 6 марта направила в Президиум Верховного Совета СССР заявление с отказом от советского гражданства. Одновременно она споролла нагрудный знак.

Из письма мужа Ратушинская узнала, что в январе на телеграфный запрос мужа о здоровье

администрация ответила, что она здорова. Уже в течение нескольких месяцев Ратушинская почти постоянно температурит (температура обычно $37,3^{\circ} + 0,2^{\circ}$), у нее постоянные отеки, боли в области почек. Таким же было состояние и в январе. Ратушинская написала Павлову заявление с требованием дать правдивый ответ о ее здоровье. Два заказных письма, в которых она рассказывала о своем самочувствии, "пропали" в пути.

У нас появилось подозрение, что помимо пропажи писем возможно и обратное — фальшивые письма, поэтому просим относиться внимательнее как к тексту письма, так и к почерку.

7 марта приезжал Артемьев. Он пришел в дом, заявил, что хочет нас поздравить и побеседовать. Посетовал, что не достал цветов. Потом почему-то ушел и стал присылать дежурную, чтобы она выводила нас к нему по одной. Абрутене говорила с ним в том же духе, что и с Тюриным. Он подарил ее шоколадку, которую она взяла и принесла в зону. С Руденко он беседовал дважды: один раз, когда был в зоне, по ее словам, ни о чем, а другой раз вызывал к себе. В этот раз он ее спросил, почему она отказалась дать письменное обязательство не заниматься антисоветской деятельностью. Она ответила, что если не верят устному обещанию, то не поверят и письменному.

Доронина и Матусевич тоже ходили на беседу. Артемьев жаловался им, что остальные не хотят с ним разговаривать. Матусевич он также предложил шоколадку (она отказалась) и объяснил, что он привез каждой по шоколадке, но хочет

вручить их лично. Руденко и Дорониной он тем не менее шоколадок не предложил. Ратушинская наотрез отказалась идти на беседу, заявив, что законом такие беседы не предусмотрены, это не входит в ее обязанности з/к, и если так уж надо, чтобы ее привели к Артемьеву, пусть присылают конвой с автоматами и применяют силу. Артемьев передал через дежурную, что это — нарушение режима и что на Ратушинскую имеют право наложить за это взыскание. Конвой не привели. Ратушинская никуда не пошла. Остальных Арьемьев не вызывал.

У нас постоянно происходят недоразумения с бандеролями. Вручение очередных часто задерживается (иногда на месяц и более), из-за этого сроки сдвигаются и последняя бандероль может пропасть. Некоторые разрешенные бандероли возвращаются обратно, хотя мы не уверены, что возвращаются все, которые не были нам вручены. Возможно, часть пропадает. Беляускене в августе разрешили внеочередную бандероль с теплым бельем. Она дважды отсылалась обратно и получена только на третий раз — в марте. Другьям Барац трижды возвращали бандероль с очками. В последний раз послали письмо на имя Павлова с просьбой не отсылать обратно, т. к. бандероль разрешена. Тем не менее ее вернули. Сейчас у Барац по-прежнему нет очков (зрение у нее испортилось в изоляторе КГБ). Вернули даже очередную бандероль — Дорониной. Возвращаются официально разрешенные нам бандероли с лечебными травами. Просим учесть, что

никто из нас не отказывался от присылаемых нам посылок и бандеролей. Отказы от нашего имени — фальсификация.

Доронина до сих пор не получила денег из изолятора, поэтому не может отовариваться в ларьке. К работе ее до сих пор не привлекали (не было очков), а в случае, если привлекут, она работать не намерена. Просим выслать ей денег (как инвалид второй группы она имеет право отовариваться с почтового перевода).

14 марта за невыход на работу были отправлены в ШИЗО Лазарева на 13 и Осипова — на 15 суток. Они потребовали, чтобы перед отправкой их осмотрел врач. Пришла медсестра, измерила температуру: у Лазаревой оказалось $37,2^{\circ}$. Им сказали, что врач осмотрит их на вахте. Но через вахту их провели не останавливаясь, не завели даже, как это делалось всегда, к начальнику лагеря, который по ПВР обязан лично предъявить постановление о водворении в ШИЗО (в постановлениях записали, что они отказались явиться к начальнику лагеря), отправкой в ШИЗО руководила Подуст.

Напоминаем, что в ЖХ—385/3 нет женского ШИЗО и нас отправляют в ШИЗО ИТК—2 (пос. Явас), где за нами закреплена 7-я камера.

Дежурные в ШИЗО получили приказ снять с Лазаревой и Осиповой всю теплую одежду. На этот раз не разрешили оставить ни свои тапочки, ни теплые лифчики. Казенные тапочки Лазарева и Осипова отказались надеть, т. к. в ШИЗО очень много больных грибковыми заболеваниями, та-

почки грязные, старые, не дезинфицируются. Ратушинская в предыдущем ШИЗО заразилась грибком. В камеру они отправились в носках.

На следующий день, 15 марта, начальник режимной части Рыжова вызвала их в дежурку, чтобы лично проверить, добросовестно ли раздели. Обнаружив на них шерстяные футболки, приказала немедленно отобрать и пропустившую футболки смену обещала наказать. Она приказала отобрать и головные платки, которые в зимний период жинщинам в ШИЗО разрешаются и которые были у всех содержащихся там уголовниц. Лазаревой велели снять и носки. Она отказалась раздеваться. Ей пригрозили, что применят наручники и разденут силой. Тогда Лазарева разделась догола и пошла в камеру. Дежурные бежали за ней по коридору и уговаривали одеться. Носки ей вернули. 17 марта им вернули платки и разрешили свои тапочки. Как нам неофициально сообщали, приказ раздеть исходил от КГБ.

Абрутене, Барац, Беляускене, Доронина, Матусевич, Парек написали в прокуратуру протест против помещения в ШИЗО больной Лазаревой, отправленной туда с температурой, и Осиповой, у которой на следующий день, 15 марта, было 35-летие. Все они объявили на 15 марта голодовку.

Ратушинская, находящаяся с 12 марта в больнице, 14 марта объявила голодовку на все время пребывания Лазаревой в ШИЗО. Ее пытались уговорить снять голодовку, предлагали с этой целью сделать в истории болезни записи о том, что голо-

довка опасна для ее жизни. Ратушинская отказалась. 15 марта ее выписали.

16 марта Абрутене и Ратушинской велели собираться в ШИЗО. Ратушинская вызвала врача. Пришла медсестра. Оказалось, что у Ратушинской — $37,9^{\circ}$. Тогда пришли 3 врача, перемерили ей температуру двумя термометрами, на этот раз было 38° . От Ратушинской потребовали, чтобы она или сняла голодовку, или подписала заявление с отказом от обследования. Она отказалась сделать и то и другое. В ШИЗО отправили одну Абрутене, на 15 суток. Ратушинскую изолировали на восьмые сутки в бокс психиатрического отделения.

Абрутене в ШИЗО раздели так же, как Лазареву и Осипову. В этот же день и на следующий ее посетил сотрудник КГБ Тюрин (старший оперативник), а в воскресенье — Артемьев. По словам Абрутене, говорили в основном об отношениях с Подуст.

Лазарева и Осипова отказались с ними разговаривать. 26 марта Абрутене посетил Ершов Виктор Николаевич — куратор нашей зоны. Он накормил ее, угостил чаем с лимоном, дал ей с собой в камеру огурец и коржики. Они долго беседовали. Ершов интересовался, в частности, Ратушинской, спрашивал, действительно ли та не ест во время голодовок. Абрутене ответила, что Ратушинская голодает честно. О других заключенных она, по ее словам, отказалась разговаривать. Вернувшись в камеру, Абрутене сказала, что ее, конечно, из-за того, что она разговаривает с КГБ, могут считать

стукачкой, но она на это никогда не пойдет, она хочет перехитрить КГБ и добиться от них каких-нибудь поблажек.

В конце марта в Управлении начали разбираться с нашей забастовкой более серьезно. Приезжали из медотдела выяснять, была ли Абрутене трудоспособна в те дни, за которые ее наказали, сделали запрос, была ли она оформлена на работу в августе. Если раньше с нами категорически отказывались разговаривать о незаконном лишении Абрутене свиданий, то теперь сами стали об этом спрашивать, причем на различных административных уровнях: от начальника лагеря Павлова до начальника отделов Управления. В марте Павлов и Артемьев ездили по поводу нашей зоны в Москву. Очевидно было, что забастовка идет к успешному концу.

31 марта Абрутене заявила нам, что не намерена больше заступаться за других и поэтому забастовку снимает. На просьбу объяснить, почему же "за других" — ведь забастовка объявлена в ее защиту, — она ответила, что объявляя забастовку, жила чужим умом, что ее в забастовку втянули, что она в законах не разбирается и разбираться не хочет, а хочет уехать.

Приехав в лагерь, Абрутене многократно говорила, что не намерена работать вообще, что она на это государство никогда не работала и уж в лагере тем более работать не будет. Чтобы убедить ее от репрессий за отказ от работы, мы предложили ей компромиссный вариант, работу дневальной, т. е. дневальная работает на заключен-

ных, а не непосредственно на государство. Узнав в октябре о том, что муж и сын приезжают на свидание, а свидание не дали, Абрутене заявила, что немедленно бросает работу, и нам пришлось уговаривать ее подождать, выяснить предварительно у администрации, за что и когда она лишена свидания, объясняя, что если она лишена его незаконно, тогда и мы сможем поддержать ее забастовку.

1 апреля Абрутене уточнила, что не только прекращает забастовку, но и снимает свое требование вернуть ей свидание, но никаких заявлений делать не будет, а просто начнет работать. В этот день приходил оператвник Шлепанов и интересовался у Абрутене, не бьют ли ее.

Мы написали заявление, что в связи с тем, что Абрутене прекратила забастовку и сняла свое справедливое требование, мы снимаем забастовку. На следующее утро, однако, Абрутене сказала Беляускене, что пока не будет выходить на работу, и поэтому мы заявление не отправили. И действительно, несколько дней она не заходила в цех. Потом села за машинку и начала шить, объяснив, что поможет Руденко. После она сказала Парек, что оформлена ученицей со 2 апреля. Когда мы спросили у Абрутене, приступила ли она к работе или продолжает забастовку, она отказалась ответить. 23 апреля мы обратились с этим вопросом к мастеру швейного цеха, Синицыну Василию Петровичу. Он ответил, что Абрутене со 2 апреля зачислена ученицей, что она сняла все свои претензии к администрации и что у

него есть ее заявление. После этого Барац, Лазарева, Осипова, Ратушинская направили администрации заявление о снятии забастовки. Беляускене заявление о снятии забастовки не написала, т. к. незадолго до этого она направила заявление в Прокуратуру СССР, что снимет забастовку в том случае, если Абрутене дадут хоть какое-нибудь свидание. Хотя, давая вторую группу инвалидности, ей и сказали, что она должна работать 4 часа, работы от нее, как и от других инвалидов второй группы, не требуют.

В середине апреля Владимирову вызывали к начальнику лагеря. В кабинете был сотрудник КГБ. По ее рассказу, ее спрашивали "как Осипова и Ратушинская нагоняют себе температуру" (обе длительное время температурят, Ратушинская практически непрерывно). Владимировой предложили написать заявление о том, что Абрутене "втянули" в забастовку, сказали, что одно такое заявление у них уже есть. Видимо, с точки зрения ГБ, обстановка в зоне была недостаточно конфликтной, и они решили запустить в нее ложную информацию.

В апреле сильно ухудшилось положение с перепиской. К этому времени переписка Ратушинской почти прекратилась. Письма от нее либо конфисковывались, либо пропадали. То же с письмами к ней. В начале месяца цензор сказала, что письма должна приносить и забирать начальница отряда. Все, в том числе и те, кто общается с Подуст, заявили, что не будут брать у Подуст

письма и отдавать ей свои. Согласилась на это одна Матусевич. Сейчас письма по-прежнему носит цензор. В середине апреля цензор сказала, что она не будет больше объяснять по тексту письма, за что оно конфисковано, ей это запретили и сказали, что мы сами знаем, чего нельзя писать. Одновременно были конфискованы письма у Лазаревой, Осиповой, Ратушинской. У Ратушинской отобрали три открытки с текстом: "Поздравляю с днем международной солидарности трудящихся. Выражаю солидарность". У Барац конфисковали письмо из лагеря от мужа, уже прошедшее цензуру. Мотив конфискации везде один и тот же: "подозрительное по содержанию". Мы потребовали, что если отказываются сообщать, за что конфисковано письмо, дали бы исчерпывающий список того, о чем нельзя писать. Списка пока тоже не дают. Мы намерены отстаивать наше право на переписку вплоть до голодовки.

Ко Дню матери (первое воскресенье мая) мы отправили 150 поздравительных открыток матерям и женам политзаключенных, чьи адреса у нас есть.

В нашей зоне очень трудно быстро вызвать врача. 21 апреля около 11 вечера у Владимировой начался очень сильный приступ астмы. Больше двух часов мы пытались через солдата вызвать врача, тот не мог дозвониться до начальника караула. Только в начале второго, когда дежурная обходила запретку, мы смогли передать вызов. 22-го приступ повторился. На этот раз солдат вообще отказался звонить. Владимирова, кото-

рой становилось все хуже, вылезла на запретку и пошла по ней в больницу. Несколько лет назад в зоне стоял телефон, по которому можно было вызвать врача, дежурную, пожарных.

25 апреля ст. следователь КГБ МАССР Петрушин А. С. допросил Осипову по делу Шихановича. Он сказал Осиповой, что Шиханович был арестован по ст. 70 ч. 1, что он дал обширные показания и назвал ее среди своих близких знакомых. Осипова отказалась давать показания.

В конце апреля перевели на другую работу начальника нашего участка Гайниченко С. Е. Начальница отряда Подуст Л. Н. переведена в Тамбов, в апреле ей присвоили звание капитана. Она дорабатывает последние дни — пока у детей кончится учебный год. Администрация настойчиво внушает нам, что Подуст перевели вовсе не в связи с нашим требованием убрать ее. Сейчас обязанности начальника участка исполняет замполит Шалин, он, видимо, и будет утвержден на эту должность.

В Президиум Верховного Совета СССР от женщин-политзаключенных, находящихся в Мордовском лагере ЖХ-385/3-4 (Малая зона).

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, женщины-политзаключенные Малой зоны, отказывались и отказываемся носить на одежде бирки (нагрудные знаки). 10 августа от лица администрации лагеря нам было сказано, что мы либо наденем эти бирки, либо до конца срока будем лишены права покупать еду, а также лишены всех свиданий.

Принудительное ношение опознавательных знаков унижает человеческое достоинство, что признано всей мировой общественностью, в частности, на Нюрнбергском процессе. Советское законодательство утверждает, что "исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства" (ст. 1 ИТК РСФСР).

В связи с этим мы считаем нужным поставить Советские власти в известность о том, что мы не намерены выполнять те требования режима, которые носят издевательский или аморальный характер.

Мы отстаиваем свое естественное человеческое право объединяться в своих действиях и заступаться друг за друга, а также за других заключенных.

Мы призываем советские законодательные органы отменить нагрудные знаки во всех лагерях Советского Союза, а пока отменяем их для себя в Малой зоне и готовы принять на себя все возможные репрессии.

Эдита Абрутене, Галина Барац, Ядвига Беляускене, Татьяна Великанова, Наталья Лазарева, Татьяна Осипова, Ирина Ратушинская, Раиса Руденко.

12.8.83 г.

Татьяна Великанова, п/ссыл-
ная. Выдержки из письма.
(п. Бейнеу, Мангышлакская
обл., КазССР, декабрь 1984).

Здравствуй, дорогой друг! Наконец-то могу написать тебе, после стольких лет... Ты задал много вопросов о том, что было и как, о том, что сейчас. На последние ответить легче, с них и начну.

Что такое Бейнеу, мое место ссылки? Прежде всего, это уже третье место ссылки, третий район. Все три — в Мангышлакской области. Первое был Шетпе, центр Мангистаурского р-на. Я там пробыла с 3 ноября по 9 февраля 84-го. Работала санитаркой в поликлинике, жила в отдельной (!) однокомнатной квартире, с водой, туалетом и паровым отоплением. Только-только устроила я свой быт, обзавелась какой-то мебелью, занавески повесила — переводят меня в Таучик. Перевод был крайне хамский: просто взяли и силой, без предупреждения, без объяснения причин или предъявления каких-либо постановлений, с милицией вывезли на новое место. Достаточно сказать, что мое увольнение из поликлиники было оформлено приказом от 3-го февраля, т. е. за неделю, о чем я ничего не знала; приказ от меня скрыли, а формулировка, как я выяснила много позже, была не по статье КЗОТа, а "по указанию милиции" (!). Вещи мне привезла через два дня моя сестра, которая в это время у меня гостила.

Таучик — небольшой поселок (верблюдоводческий совхоз), население — на 100 % казахи,

по-русски многие вообще не понимают. Это не райцентр, от райцентра (пос. Мангышлак около г. Шевченко, центра Мангышлакской области) примерно 100 км. Район вытянут и крив, как змея, поэтому дорога из Таучика в райцентр, по которой ходит автобус, несколько раз пересекает другие районы. А, как известно, ссыльный может свободно передвигаться только внутри района. Получалось, что в райцентр я поехать не могу, о чем мне милиция и сообщила. Я стала требовать перевода в райцентр. Тянулось это полгода, что-то решали перерешивали, говорили, что переводят в пос. Мангышлак и "ищут квартиру", и наконец перевели в Бейнеу, райцентр Бейнеуского района.

Если сравнивать с предыдущими местами, то это – самое мерзкое. Плоско, как стол, ни одной горки, кругом степь-пустыня, очень грустный пейзаж. Но зато райцентр, т. е. поликлиника, библиотека, переговорный пункт и т. д. Снабжение здесь довольно хорошее: бывают овощи, картошка, сухое молоко, творог, печенка, даже топленое масло. Все это бывает редко, но у меня есть холодильник. В Таучике в магазине были только крупа, сахар, подсолнечное масло и хлеб через день.

Работа у меня здесь занудливая до чрезвычайности: представь себе работу бухгалтера по расчету зарплаты, составление разных приходно-расходных документов и т. д. Сидеть нужно с 9 до 6, с часовым перерывом, даже когда работы нет. Зарплата у меня 80 + 30 % коэффициент за

пустыню, т. е. 104. В других организациях коэффициент 60 %, 70 %, но по какому принципу, я не очень понимаю. Русских много, и многие из них, или большинство, приехали из-за заработков. Домов много двухэтажных, с удобствами. Там, где я живу, называется Горем. Это бараки, без удобств, очень старые, оставшиеся от прежних времен, когда поселок только начал строиться. Колодцы наливные, причем воротом здесь не умеют пользоваться, просто тащат ведро за веревку, каждый свое. Туалеты — ну это, как везде в Мангышлаке, ходить туда нужно с лопатой. Сейчас стало холодно, мухи кончились. А в октябре еще были тучи.

Комната у меня метров 10 и кухня, вход общий с соседями. Печка развалена, двери плотно не закрываются, замок врезать нельзя. Болтается у меня висячий, как на сарае. Форточки нет. Когда меня привезли в Бейнеу, я жила сначала в гостинице. Предложили мне эту квартиру и работу, причем сказали, что другой квартиры нет, а эта принадлежит машиносчетной станции, на которую я и должна пойти работать. Очень я не хотела на эту работу, но выхода не было. Из гостиницы стали упорно выселять и одновременно сулить все: квартиру отремонтируем, вещи доставим, детсад дадим (со мной живет с 7 сентября внучка Лена 4 лет). В конце сентября позвонил мне некто в 12 часов ночи и стал требовать выселения в 24 часа. На мой вопрос, с кем я говорю, ответил: "Это неважно, с вами говорят те, кто заинтересован в вашем переселении как

можно быстрее". Я написала заявление начальнику милиции об этом хулиганстве, начальник милиции сказал: "Разберутся". Возможно, и разобрались.

На данный момент дела обстоят так. Ленка ходит в детский сад (дети все казахи, воспитатели есть русские, есть казахи). Ремонт начали и бросили: "Делайте сами". Печка стоит разваленная, без чугунной плиты и прочих металлических частей. Сказали, что "чинить не будем — плит таких нет: это старые дома, мы в них уже людей не селим". Вещи-таки привезли мне — в конце октября, а до тех пор мы с Ленкой жили на полу...

Все эти преселения и перемены работы лишили меня отпуска и возможности поехать к родным. На будущий год хочу поехать в Псковскую область, где будут жить на даче мои внуки, и всех повидать. Если отпустят... Из 8 я пока знакома с 5-ю. Таучика жалко, там была все-таки природа — горки, ущелья, много всякой живности, даже джейранов как-то видела, не говоря уже о зайцах, черепахах, сусликах и т. д. Но внучку мне туда бы не дали — есть там нечего, врачей нет, телефона нет. Да и согласиться на ситуацию я не могла — ссыльный имеет право на поездки в райцентр и на выбор места жительства в пределах района. Ну а "они" имеют право выбрать "подходящий" район, "подходящую" квартиру и могут вынудить на "подходящую" работу.

Время я считаю теперь не годами, а летами: одно лето из 5-и уже прошло! Летом здесь погибель, 45 в тени. Ленка будет со мной жить до июня.

...ты спрашивал меня, что такое ШИЗО и ПКТ*. У меня небольшой опыт по этой части – 8 суток ШИЗО и 2 месяца ПКТ. Попробую описать. В ШИЗО помещают на срок до 15 суток. Это маленькая камера с 4 койками в два этажа, как в вагоне, только днем все 4 поднимают и запирают на замок. Посреди детский столик, очень низкий, и такие же низкие 4 столбика для сидения, либо 2 скамейки. В углу параша, очень тяжелая, прикрепляется цепью к стене. Больше ничего. Окно с решетками, клетки рам очень мелкие, и многих стекол нет. Так что, хотя рамы двойные, от окон дует страшно. Пол деревянный, но под досками толстый слой цемента, сантиметров 40 или 50.

Иметь с собой в камере нельзя ничего – бумага, ручка, книги, туалетные принадлежности – ничего этого нельзя. Одежда специальная для ШИЗО, очень холодная. Шерстяных вещей нельзя. Кормежка очень скудная, через день, а в "пустой" день – хлеб и кипяток 3 раза. Для меня самым мучительным был холод, затем безделье. Вообще-то ШИЗО могут дать и с выводом на работу, это легче, но политическим женщинам работу не дают, т. к. для этого нужен контакт с уголовной нарядницей. Температура в сентябре-октябре 83-го года, когда я там была, в ПКТ опускалась в камерах до +13 град., возможно, и ниже. Мне трижды удалось заставить их померить температуру – все три раза было 13 град. (по закону должно быть не ниже 16 град.). Находясь

* ПКТ – помещение камерного типа.

в ПКТ, я много видела (точнее, слышала) женщин из уголовного лагеря, сидящих в ШИЗО и ПКТ (камеры одинаковые, отличается только режим содержания). Некоторые из них получали по несколько сроков ШИЗО подряд, до 45 суток.

Я поняла, что ШИЗО — это гнуснейшая вещь, калечащая людей и физически, и нравственно. И неважно, за какие провинности они их получают. Я видела (слышала, т. к. через стенки все слышно), что они спят не на нарах, а на полу — оказывается, что так теплее, если в комнате 4-5 человек, можно спать, грея друг друга. Многие получают воспаление придатков, больные почки.

В ПКТ легче, дают матрас, тонкое одеяло, постель, более теплая одежда, полчаса прогулки. И главное — можно читать. Кормежка такая же скудная, но ежедневно. Разрешается курить. Разрешена отоварка на 2 руб. (если одновременно с ПКТ нет "лишения ларька"). Если бы те, кто узаконил эти вещи, провел хотя бы одни сутки в ШИЗО!

Я знаю, что после моего отъезда из зоны было много ШИЗО и ПКТ для моих подруг. Я знаю, что они не будут мириться с этим, будут протестовать — забастовками, голодовками. И уже за эти протесты будут получать новые сроки ШИЗО и ПКТ, или даже новый лагерный срок. Я думаю о них постоянно — Ирине Ратушинской, Тане Осиповой, Наташе Лазаревой, Гале Барац, Ядвиге Беляускене, Рае Руденко. Как они доживут до конца срока, доживут ли?.. Главное лагерное правило — запрет вступаться за других, с этим правилом они никогда не примирятся.

ПОЯСНЕНИЯ *

АБРУТЕНЕ ЭДИТА. Арестована 8.12.82. 4 стр. + 2 ссылки. Конец срока – дек. 1988. Статья 70. Встречи с иностранными журналистами, распространение литературы, участие в распространении листовок.

БАРАЦ ГАЛИНА. Род. 1946, историк. Арестована 9.3.83. 6 стр. + 3 ссылки. Конец срока – февраль 1992. Статья 70. Пятидесятница, член группы "Право на эмиграцию".

БЕЛЯУСКЕНЕ ЯДВИГА. Литовка, арестована 29.10.82. 4 стр. + 3 ссылки. Конец срока – октябрь 1989. Статья 70. Размножение националистической и религиозной литературы, сбор подписей под правозащитными документами, хранение и распространение самиздата, воспитание детей в националистическом духе. 1948–1956 в сталинских лагерях за участие в партизанском движении.

ВЕЛИКАНОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА. Род. 3.2.1932, математик. Арестована 1.11.79. 4 стр. + 5 ссылки. Конец срока – октябрь 1988. Статья 70. Участие в работе Инициативной группы по защите прав человека в СССР, издание и распространение "Хроники текущих событий", правозащитная деятельность.

ДОРОНИНА ЛИДИЯ АНДРЕЕВНА – см. стр.

ЛАЗАРЕВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА. Род. 1947, мастер по изготовлению кукол-марионеток. Арестована 13.3.82. 4 стр. + 2 ссылки. Конец срока – 1988. Статья 70. Участие в издании женского альманаха "Мария", передача и получение материалов из-за рубежа. 1980–81, статья 190–1.

* По "Списку политзаключенных СССР". Выпуск 6, 1984, ред. К. Любарский.

МАТУСЕВИЧ ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА. Род. 9.9.53, филолог. Арестована 12.3.80. 3 общ. Статья 190-1. Участие в работе Украинской Хельсинкской группы, намерение эмигрировать.

Арестована вторично в лагере в марте 1983. 3 стр. Конец срока – 12.3.86. Статья 70. Устные высказывания, передача информации из лагеря с помощью тайнописи.

ОСИПОВА ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА. Род. 15.3.49, инженер-программист. Арестована 27.5.80. 5 стр. + 5 ссылки, конец срока – 1990. Статья 70. Участие в работе Московской Хельсинкской группы, распространение самиздата и книг, изданных за рубежом, авторство самиздатских статей, правозащитная деятельность.

РАТУШИНСКАЯ ИРИНА БОРИСОВНА. Род. 4.3.54, физик. Арестована 17.9.82. 7 стр. + 5 ссылки. Конец срока – сентябрь 1994. Статья 70. Авторство сборника стихов, авторство критического стихотворения.

РУДЕНКО РАИСА АФАНАСЬЕВНА. Род. 1939. Арестована 15.4.81. 5 стр. + 5 ссылки. Конец срока – апрель 1991. Статья 70. Распространение самиздата и передача за рубеж писем, полученных из лагеря.

ПАРЕК ЛАГЛЕ – см. стр.

Т а б л и ц а Г о л о д о в о к

№ фамилия	17-29.08.83 за больну	21.12.83 -	04.01.84 за больну	РАЗШИНСКОЮ	08.02.84 за больну	БЕЛЯУСКЕНЕ	14-26.03.84 за больну	К о б р а н е н к о в а и К а р п а к	35-и страна	Лини полкати (кличеного)	Лини полкати и 30.10.83	30.10.84	Лини полкати и 10.12.83	10.12.84	В инск су- чак в 1983 и 1984 годак	Всего
1 АБРУТЕНЕ Эдита	6 дней 17-22			РАЗШИНСКОЮ и ЛАЗАРЕВУ	08.02.84 за больну		14-26.03.84 за больну	К о б р а н е н к о в а и К а р п а к	35-и страна	Лини полкати (кличеного) и 30.10.83	30.10.84	Лини полкати и 10.12.83	10.12.84	В инск су- чак в 1983 и 1984 годак	34	
2 БАРАЦ Галина	12 дней 17-29				1 день	1 день	14-го	8 дней	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1 + 1	15д. 25.07- 09.08.83г. за семья, за ее выезд		30	
3 БЕЛЯУСКЕНЕ Ядвига	-	5д. 30.12.83- 04.01.84 за ЛАЗ(АРЕВУ), РАТУШ(ИНСКОЮ)					14-го	8 дней	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1 + 1	4д. за мужа (в) декабря 83 дд. 22-23.06. 84 за ОС. и РАТ(УИНСК.)		19	
4 ДУРОНИНА Людия	-				1 день	1 день	14-го	-	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1д. 22-23. (06.84) за ОСИП(ОВУ), РАТУШ(ИНСК.)		7	
5 ЛАЗАРЕВА Наталья	-	7д. 26.12.83- 02.01.84 за се- бя, находясь в ШИЗО			3 дня	8-11	-	8 дней	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1 + 1	1д. 22-23. 06.84 за ОСИП(ОВУ) и РАТУШ(ИНСК.)		23	
6 МАТУСЕВИЧ Ольга	-	3д. 21-24.12.83			9 дней 8-17		14-го	-	1 д(ень)	1 д(ень)	1 д(ень)	1 д(ень)	1 день за ОСИПОВУ и РАТУШ(ИНСК.) 22-23.06.84		16	

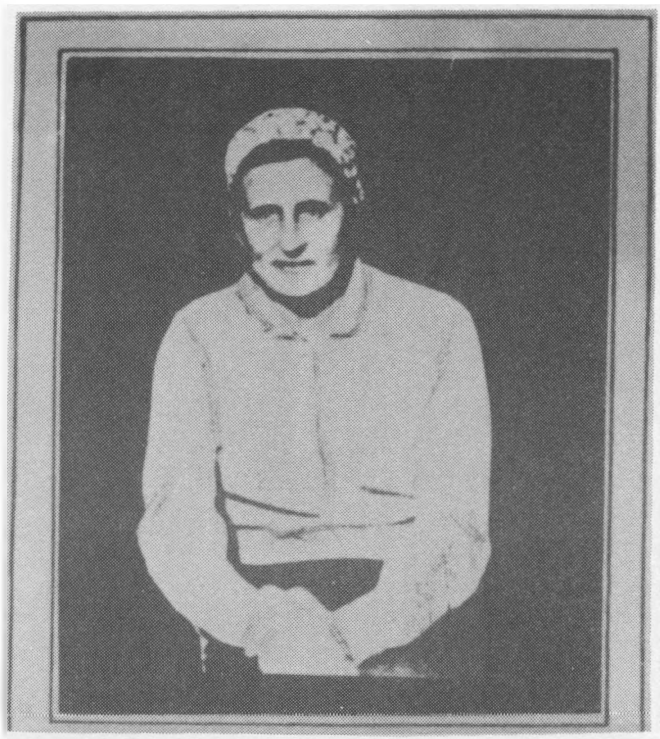
№	Фамилия	17-29.08.83	21.12.83 -	04.01.84	08.02.84	14-26.03.84	35-и странка в Карпика	Дни погитса Клиничного 30.10.83 30.10.84	Дни запити през чекове 10.12.83 10.12.84	В индк слу- чалк в 1983 и 1984 година	Всего	
7	ОСИПОВА Татяна	12д. 17-29 первах 9д., находясь в ШИЗО	13д. 21.12.83- 04.01.84 после ШИЗО	за больнич ПАЗАРЕВУ и РАТУШНИКУ	08.02.84 за больнич ВЕЛЮСКЕНЕ	14-26.03.84 за больнич ПАЗАРЕВУ	8 дней	1 + 1 30.10.83 " - Р4	1 + 1 10.12.83 " - 84	10 дней 20.06-30.06. (84) за РА- ТУШ., в ШИЗО	52	
8	ПАРЕК Ляле	-	-	-	-	1д. 14-го	-	1 день 30.10.84	1 день 10.12.84	1д. 22-23. 06.84г. за ОСИП(ОВУ), РАТУШ(ИНСК.)	4	
9	РАТУШНИСКАЯ Ирина	12д. 17-29 о насильст- венным кормлением	14 дней больная, находясь в ШИЗО	за больнич	4 дня 13-17 после ШИЗО	12 дней 14-26	8 дней 7-15	1 + 1 30.10.83 " - " 84	1 + 1 10.12.83 10.12.84	10 дней 19- 29.06.84 за явление сви- датель, в ШИЗО	64	
10	РУДЕНКО Раиса	12д. 17-29 с насильст- венным питанием	-	-	-	1 день 14-го марта	8 дней 7-15	4 + 1 30.10.83 " - 84	1 + 1 10.12.83 " - 84	-	25	
11	ВЕЛИКАНОВА Татяна	12 дней 17-29 с на- сильственным пит(алнем)	-	-	-	-	8 дней 7- 15 узе по дороге в ссылку	-	-	-	12	
<p>Полснение: АБРУТЕНЕ 25.07-09.08.83 г. голодала за выпуск мужа и сына за границу; БАРАЦ, требуя, чтоб известили, где находится ее муж в декабре 83 года. Извещение получила не скоро.</p>											В сумме всего:	286

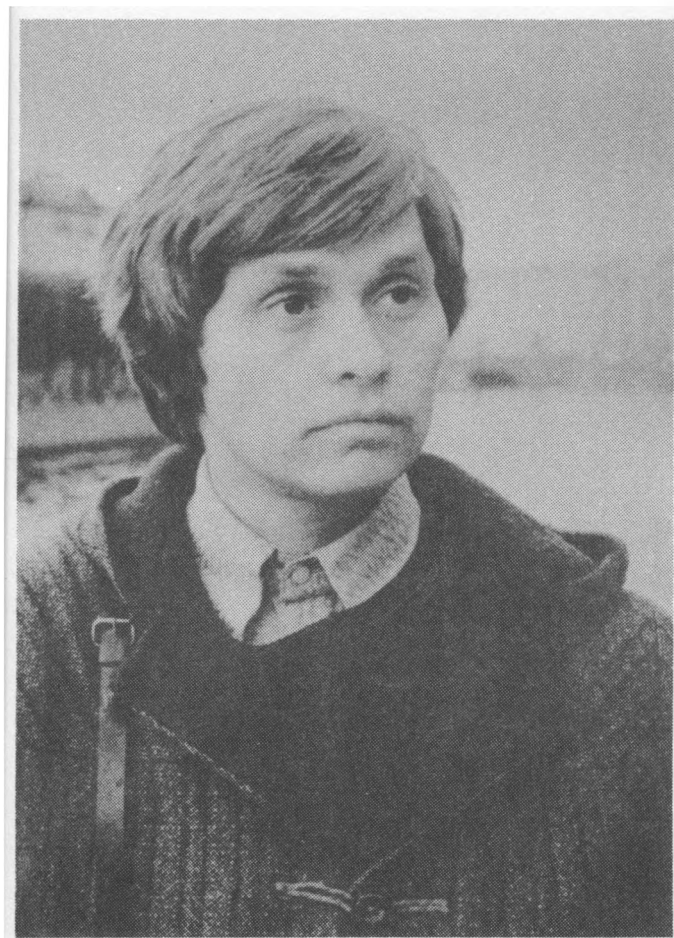
Раиса Руденко — в центре, справа ее муж Микола Руденко,
слева — Зинаида и Петр Григоренко

Татьяна Осипова и ее муж Иван Ковалев,
апрель 1980 г.

Ядвига Беляускене

Наталья Лазарева, июль 1981 г.

